

ФОРУМ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-421-429

УДК 291.1 (130.3/471)

Начало и конец русской религиозной философии*

© 2019, Н.В. Серебренников

Аннотация: В статье дано обоснование периодизации русской религиозной философии (1831–1951). Принципом деления стало религиозное мироощущение творческой интеллигенции, в те или иные эпохи меняющееся в своих тенденциях. Его утрата, как показывает автор, обусловила конец оригинальной русской философии. 1830–1850-е гг. характеризуются в статье как культурно-религиозный период, поскольку именно в это время русская религиозная философия решила отношение «религия — культура» в пользу первичности религии. Отсюда, по мнению автора статьи, идет взгляд на культуру как на проявление религиозного начала и вера в личность, восполняющую себя через определение в Боге и нации. С 1861 г. настала новая фаза общественного развития, возникло почвенничество как род универсализма, эклектично пытавшегося примирить в себе воззрения славянофильские и западнические, с явной ориентацией на проблемы социально-психологические, и потому гораздо более плодотворного для литературы, чем для философии. 1900–1910-е гг. — период идейного разброда, борьбы своеволий и жажды метафизических откровений. Он осмысляется как философско-эсхатологический, согласно обостренному революционной катастрофой мировосприятию. Новый период (с 1923 г.) стал итогово-аналитическим, когда обострилось внимание к урокам национального самоосмысления, особенностям русского мирозерцания. Дальнейшие успехи в этой сфере незначительны. Автор приходит к итоговому выводу о том, что русская религиозная философия завершает свое развитие в 1951 г.

Ключевые слова: русская религиозная философия, периодизация, богословие, самосознание, славянофильство, интеллигенция.

Информация об авторе: Николай Валентинович Серебренников, д.ф.н., доцент, Томск, Россия. E-mail: niva7@yandex.ru

Цитирование: *Серебренников Н.В.* Начало и конец русской религиозной философии // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 421–429. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-421-429

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ. Научный проект № 17604600170а («А.С. Хомяков и его наследие: подготовка комментированного издания сочинений»).

Отечественная мысль с ее насущной потребностью определиться во всемирной истории впервые остро осознала себя, пожалуй, только у П.Я. Чаадаева — во «враждебном слове отрицанья». Вразрез с почти всеобщей верой в великое процветание России, он не увидел «движение нравственное, движение мысли...»¹ ни в русской истории, ни в настоящем. Современникам это показалось ужасным: ведь и человек и культура являются на свет с тем, чтобы стать самими собой и достойно сохраниться, да и Россия не просто замешена на невесть какой азиатчине, слепо принятой византийщине и дурно понятой неметчине. Как реакция на «Философические письма» (1828–1831: «самиздат» 1831, публикация первого письма 1836), на русофильские веяния министерства народного просвещения и на польский мятеж 1830–1831 гг. возник ряд весьма прославянофильски сложившихся деятелей культуры — Ф.И. Тютчев, П.В. Киреевский, М.П. Погодин, С.П. Шевырев и др. Русские Любомудры, прошедшие школу Канта и Шеллинга, задумались и о собственной, личной и национальной, значимости. То, что вызревало подспудно и связывалось обычно с литературным обновлением, теперь всё чаще облекалось в форму публицистической статьи или требовало социально-философского обоснования. В 1830-е гг. зародилось культурфилософское движение, оставшееся в истории под шуточным прозвищем «славянофильство» — движение, давшее начало русской религиозной философии, т.е. тому направлению, которое связано с православной мыслью и, соответственно, с ее онтогносеологическим и культурологическим обоснованиями.

Не случайно в 1840-е гг., в пору полемики об истоках и путях развития славянской культуры, народилась и интеллигенция — гуманитарно себя заявившая часть общества, положившая судьбу на то, чтобы государственная политика держалась общенародной пользы, социальный слой, готовый ради этой цели поступиться своими сословными интересами и существующий только в странах Восточной Европы (в столь специфическом смысле термин *intelligentia*, «понимание», был применен в 1864 г., но не будет ошибкой распространить это понятие на уже сложившееся явление).

Взяв за принцип периодизации религиозное мироощущение творческой интеллигенции, в те или иные эпохи меняющееся в своих тенденциях, можно выделить 1830–1850-е гг. как период *культурно-религиозный*, поскольку именно тогда русская религиозная философия повернула соотношение «религия — культура» в пользу

¹ Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 402.

первичности религии: отсюда взгляд на культуру как на проявление религиозного начала и вера в личность, восполняющую себя через определение в Боге и нации.

Если народная культура — это вся совокупность жизнепроявлений, то по материалистической трактовке религия — лишь грань ее, некая культурная система². Неосознание религии как присутствия Духа живого, творящего культуру, позволяет воспринимать религию как социальный институт. Русская мысль этому противоречит. Была бы история такой же, если б Толедский поместный собор не ввел поправку в Символ веры и не внес тем самым раскол в ортодоксально-кафолическую Церковь? если бы Русь приняла католичество, а Золотая орда — православие? Но пути истории всё же относительно случайны; обратимся к философии: мог ли аристотелизм или экзистенциализм возникнуть в Индии или Китае? или учение дао в Скандинавии в любое время ее истории? Ответы предполагаются очевидными и отрицательными; буддийские миссионеры в Европе в III в. до Р.Х. канули без следа, а христианство на Востоке овладело только Филиппинами...

Так, для русской литературы, в отличие от западной, характерно жгучее чувство вины перед своими ближними и своей совестью, перед Богом и долгом (любопытно, что в русском языке XVIII — начала XIX вв. вместо термина «причинность» употребляли «винословность»). Невнятная для западного буржуа вина за удел народа позволяла западнику Чаадаеву и славянофилу Хомякову говорить о необходимости культурного и нравственного воскресения. Обретя альфу и омегу в христианстве, русская философия отвергла и притязания на национальную исключительность, каковые могут иметь лишь политическую направленность. Из концепции смены культурных периодов, выстроенной славянофилами, заключаем, что основа и выражение русской идеи есть жертвенно-мессианская судьба славянства, — здесь содержится то, что позволило монархисту Хомякову сказать: «Мы будем, как всегда и были, демократами между прочих семей Европы...»³ — а Ф.М. Достоевскому прийти к самой формуле «русская идея», о которой затем столько толковали К.Н. Леонтьев и Вл.С. Соловьев, Л.П. Карсавин и Н.А. Бердяев, да и другие. Положительное русское учение должно было, по надежде

² См.: *Философская энциклопедия*. М., 1964. Т. 3. С. 118; 1967. Т. 4. С. 489–491. Ср. схожие дефиниции в западном издании, где мировоззрение составителя выверено по экзистенциалистам М. Хайдеггеру и М. Шелеру: *Philosophisches Wörterbuch*. Stuttgart, 1957. Перевод: *Философский словарь*. М., 1961. С. 312.

³ *Хомяков А.С. «Семирамида». Исследования и стины и исторических и дей* // Хомяков А.С. Соч. М., 1994. Т. 1. С. 99.

его представителей, указать человечеству стезю преобразований в духе единства и любви.

Уяснив свою причастность православным началам, отечественная мысль пришла и к откровениям, обусловившим ее уникальность. Когда И.В. Киреевский сказал, что «направление философии зависит, в первом начале своем, от того понятия, которое мы имеем о Пресвятой Троице»⁴, в этом утверждении не было ни парадокса, ни обскурантизма, но лишь точное понимание, что ипостасные отношения Св. Троицы с достаточной очевидностью могут указать на решения проблем нашего мира — бытийных, познавательных, моральных, поскольку корень всякого вопроса — в отношении человека к Богу, строим ли жизнь по Христу или, как показал Ф.М. Достоевский, приходим к принципу вседозволенности, что постоянно подтверждает и история.

Влияние материализма на становление оригинальной русской философии, вероятно, следует оговаривать в рамках допускаемой возможности для каждого конкретного случая, но слишком во внимание не принимать, поскольку его претензии на самодостаточное существование неправомерны: отрицание трансцендентной основы приводит само мышление к утрате последней инстанции, т.е. того, без чего философские вопросы как философские вовсе нерешаемы, к лишению адекватного метода познания и нравственного источника. Обеднение материализмом онтологических и гносеологических проблем и бытование за счет идеалистической контрабанды крайне умаляет его научное (но не прикладное) значение.

Инородные веяния и пересадки шеллингизма и гегельянства, дарвинизма или марксизма, при всем их воздействии на формирование «русских мальчиков», скорее представляют социальную динамику, смену общественных потребностей, чем процесс национального самопознания. Русская религиозная философия же по существу своему обреталась в стороне от революционизирующих сил эпохи и пока перешла от А.С. Хомякова к Н.Я. Данилевскому, А.И. Герцена как властителя дум молодежи сменил Н.Г. Чернышевский, и тургеневские нигилисты превратились в персонажей романа Н.С. Лескова «На ножах».

По смерти ведущих деятелей классического славянофильства (1860) и после манифеста 1861 г. об освобождении крестьян настала новая фаза общественного развития, возникло почвенничество, а потом прочие славянофильские толки. Почвенничество 1860-х

⁴ <Елагин Н.А.> Материалы для биографии И.В. Киреевского // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. М., 1860. Т. 1. С. 100.

представляло собой род универсализма, эклектично пытавшегося примирить в себе воззрения славянофильские и западнические, с явной ориентацией на проблемы социально-психологические, и потому гораздо более плодотворного для литературы, чем для философии (Ф.М. Достоевский, Ап.А. Григорьев). Синтетичность, присущая русскому мышлению, более органично проявляла себя в той сфере, которая испокон веков называлась просто словесностью и воплощалась не столько в отвлеченных построениях, сколько в живознании — в той области, где логическая схема уступает место образно-ассоциативному ряду, где мысль не доказывается, но воспринимается как прикровенно проводимая доминанта.

Начало следующего периода можно было бы отметить 1870-ми гг., что и делают В.В. Зеньковский и С.С. Хоружий, поскольку конец XIX в. прочно связан с именем Вл.С. Соловьева, чье воздействие на современных ему и последующих философов ни с чьим иным несравнимо. Для Зеньковского «первый период — до возникновения систем (XIX-ый век — до 70-ых годов)»⁵. Хоружий выделяет «предфилософский этап», основу которого составило славянофильство (вероятно, сюда же надо отнести и почвенников с Н.Я. Данилевским), и «этап общерелигиозной философии», начавшийся с работ Вл.С. Соловьева⁶. С ним мирозерцание интеллигенции существенно преломилось из экзотерического — так сказать, дальнего — в эзотерическое, трансцендентное, эсхатологическое.

Действительно, можно поставить веху на кончине П.Д. Юркевича (1874) и кануне активной деятельности Вл.С. Соловьева, но при таком подходе остались бы неакцентированными предыдущие разработки А.М. Бухарева и Ф.М. Достоевского — христологические, очень близкие русской духовности. К сожалению, проблема теодицеи, решаемая ими на современном материале, и сотериология как оправдание человека оказались в дальнейшем почти не востребованными: Вл.С. Соловьев привил к древу русской православной философии мощную гностико-софиологическую ветвь, запросившую все соки, и собственным творчеством обозначил порог, за которым христологическое направление уже не получило должного приложения сил и сохранилось едва ли не единственно благодаря влиянию Ф.М. Достоевского, чей удельный вес остался чрезвычайно высоким. Но какими бы слабыми ни казались философские построения Л.Н. Толстого, Н.Ф. Федорова и др., нельзя сводить

⁵ Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1, ч. 1. С. 23.

⁶ Хоружий С. Философский процесс в России как встреча философии и православия // Хоружий С. О старом и новом. СПб., 2000. С. 70–71.

к Вл.С. Соловьеву столь потенциально богатую эпоху, в которой во многом синтезированы теории предшествующей поры и эссенциально содержались зачатки концепций, принесших славу философам «серебряного века». Однако есть мнение, что со смертью Вл.С. Соловьева (1900) «соловьевский» период не кончается и длится еще лет двадцать или более того: «К соловьевскому этапу следует относить творчество С. и Е. Трубецких, раннего Флоренского, раннего Булгакова, Бердяева, Лосского, Эрн...»⁷ — чему наше изложение проблемы противоречит. Придерживаясь характерологического принципа, отмечаем период 1860–1890-х гг. как *идейно-проективный*. Название вызвано фразой Н.Ф. Федорова: «Идея вообще не субъективна, но и не объективна, она проективна»⁸.

1900–1910-е — «серебряные» годы не только поэзии, которая тоже не чуждалась философической рефлексии (Вяч.И. Иванов, Андрей Белый и др.). Говоря о проявлениях русской религиозной философии начала XX в., довольно вспомнить интуитивизм Н.О. Лосского, персонализм Н.А. Бердяева, софиологию С.Н. Булгакова или П.А. Флоренского. Любая из новейших систем, имеющих отношение к православному философствованию, при внешнем почтении к отеческой вере стала подразумевать критику и самостоятельную трактовку канонов. Это период идейного разброда, борьбы своеволий и жажды метафизических откровений. Он осмысливается как *философско-эсхатологический*, согласно обостренному революционной катастрофой мировосприятию, хоть религиозному, хоть коммунистическому. Лучшим примером нарастания трагической константы служат сборники «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918).

В.В. Зеньковский определяет: «Второй период — возникновение систем (конец XIX-го века — первые два десятилетия XX-го века)», — и тут же очень некорректно объявляет вторым периодом деятельность Вл.С. Соловьева, а третьим «XX-ый век (после 1917-го года)»⁹. 1920-й унес многих мыслителей: Л.М. Лопатин, В.И. Несмелов, Е.Н. Трубецкой словно отказались перешагнуть в 1920-е гг., и интеллигенция восприняла бы это очень болезненно, не случилось лихолетье гражданской бойни. Но рубежом стал 1922 г., когда из страны выслали около сотни известных умов: отныне духовные проблемы пришлось решать в чуждой атмосфере — в Союзе Советских

⁷ Там же. С. 77.

⁸ Федоров Н.Ф. Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим // Федоров Н.Ф. Соч. М., 1982. С. 429.

⁹ Зеньковский В.В. Указ. соч. С. 23.

Социалистических Республик и на католическо-протестантском Западе.

Линию А.С. Хомякова с принципом соборности — Вл.С. Соловьева с метафизикой всеединства активно продолжили эмигранты. На родине их собратья ушли в культурологические изыскания, привив себе марксизм, будто оспу. В плане практической полезности правительство сохранило таких как натурфилософ В.И. Вернадский, но расстреляны П.А. Флоренский и М.А. Новоселов, умер в лагере Л.П. Карсавин, послужившие русскому самосознанию выдающиеся деятели физически уничтожены или сведены на нет жизнью по неприемлемому моральному кодексу.

Благодаря царившему стремлению работать над ошибками новый период стал *итогово-аналитическим*. После Гражданской войны обострилось внимание к урокам национального самоосмысления и появились труды Г.В. Флоровского (1937), Н.А. Бердяева (1946), В.В. Зеньковского (1948), Н.О. Лосского (1951), где особенности русского мирозерцания, его история и современное положение анализировались на высоком уровне. Дальнейшие успехи в этой сфере незначительны.

«Подлинный исторический синтез,— по словам Г.В. Флоровского, — не столько в *истолковании прошлого*, сколько в творческом *исполнении будущего...*»¹⁰ Но на Западе не состоялось ни одного крупного русского философа, да и трудно было бы ему появиться после стольких лет обисточенности, и тяжело — в России при ее обесточенности. При утере необходимых миропредставлений Россия как родина гениальных писателей иссякла.

Предполагается состоявшаяся основная линия А.С. Хомяков — Вл.С. Соловьев — Л.П. Карсавин (или Н.А. Бердяев, или Н.О. Лосский). Может быть и иной заметный вектор, линия А.С. Хомяков — Н.П. Гиляров-Платонов — М.А. Новоселов, но тогда пришлось бы говорить о *школе*.

Итак, периоды русской религиозной философии:

- 1831–1860 — культурно-религиозный;
- 1861–1900 — идейно-проективный;
- 1901–1922 — философско-эсхатологический;
- 1923–1951 — итогово-аналитический.

Дальше — тишина. Кроме нескольких любопытных сочинений, не появилось ничего относительно существенного, что могло бы удостоверить наступление качественно нового этапа. Православный

¹⁰ Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 520.

патронат, замкнувшийся в конфессиональных проблемах, редко отдавал что-либо миру, гораздо чаще поглощая ученых в своем лоне. Интенционно близкие русской идее культурологи (М.М. Бахтин, С.С. Аверинцев и пр.) не переступили край очерченного себе круга. Это время по преимуществу *немотствующее*, и посвященная исихазму книга С.С. Хоружего «Диптих безмолвия» (1991) выглядела бы символической вехой, если бы 1990-е гг. стали началом эпохи состоятельного духовного обновления.

Цитатная пора рубежа XX–XXI вв. намекает, что русской православной философии, утерявшей прямую преемственность, был уготован и период *вторичного накопления* (совпадение формулировки со «вторичным смесительным упрощением», по К.Н. Леонтьеву¹¹, случайно, но примечательно).

Бывшее и несбывшееся свидетельствует, что финал русской религиозной философии, отмеченный изданием ее последней истории, указан верно. Русскую религиозную философию как явление можно считать завершившейся в 1951 г. Эпигоны и диадохи оказались не на высоте призвания, чтобы поддержать ее существование на должном уровне, в соответствии с установками отцов-основателей и умением отвечать на провокации современности.

1984, 2019

Литература

Зеньковский В.В. История русской философии. Л.: Эго, 1991. Т. 1, ч. 1. С. 11–28. Т. 2, ч. 2. С. 231–235.

Хоружий С. Философский процесс в России как встреча философии и православия // Хоружий С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. С. 62–116.

References

Zen'kovskii V.V. *Istoriia russkoi filosofii* [The history of Russian philosophy]. Leningrad, Ego Publ., 1991. Vol. 1, part. 1, pp. 11–28. Vol. 2, part. 2, pp. 231–235. (In Russ.)

Khoruzhii S. *Filosofskii protsess v Rossii kak vstrecha filosofii i pravoslaviia* [The philosophical process in Russia as a meeting of philosophy and Orthodoxy]. Khoruzhii S. *O starom i novom* [About the old and the new]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2000, pp. 62–116. (In Russ.)

¹¹ «Нынешний объективный, безличный всеобщий реализм есть вторичное смесительное упрощение <...> В истории философии то же...» — Леонтьев К. Византизм и славянство // Леонтьев К. Избр. М., 1993. С. 74.

The beginning and the end of Russian religious philosophy

© 2019, Nikolay Serebrennikov

Abstract: The article substantiates the periodization of Russian religious philosophy (1831–1951). The principle of division is the religious outlook of creative intelligentsia, changing its tendencies in one era or another. Its loss, as the author shows, led to the end of the original Russian philosophy. 1830–1850s are characterized as a cultural and religious period, since it was at this time that Russian religious philosophy solved the religion-culture relation in favor of the religion. From here, according to the author, there is a view of culture as a manifestation of a religious principle and faith in a person who replenishes itself through determination in God and the nation. Since 1861, a new phase of social development has come, the “soil-bound” school has emerged as a kind of universalism, trying to eclectically reconcile the views of the Slavophiles and Westernists, with a clear orientation to social and psychological problems, and therefore much more fruitful for literature than for philosophy. 1900–1910s is the period of ideological confusion, the struggle of self-will and thirst for metaphysical revelations. It is comprehended as philosophical and eschatological, according to the worldview sharpened by a revolutionary catastrophe. The new period (since 1923) became the final and analytical one, when attention was drawn to the lessons of national self-understanding and the peculiarities of the Russian world outlook. Further success in this area is negligible. The author comes to the final conclusion that Russian religious philosophy completes its development in 1951.

Keywords: Russian religious philosophy, periodization, theology, self-conscience, Slavophilism, intelligentsia

Information about the author: Nikolay Serebrennikov, Dr Hab, Associate Professor, Tomsk, Russia. E-mail: niva7@yandex.ru.

Citation: Serebrennikov Nikolay. The beginning and the end of Russian religious philosophy. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 421–429. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-421-429